

Игорь Сердюк

Эмоциональная составляющая убийства «нечистого» ребенка (эпизод из жизни Гетманщины XVIII в.)¹

Действие драмы, о которой мы поговорим ниже, происходило на территории Гетманщины — автономного образования в составе Российской империи, которое во второй половине XVIII в. стремительно теряло остатки автономии из-за стремления центра модернизировать и унифицировать жизнь окраин. Тем не менее до 1781 г. бывшее казачье государство еще делилось на полки и сотни (аналогии губерний и уездов), имело собственную судебную систему и «старое» судебное законодательство, унаследованное еще во времена Речи Посполитой. Суды Гетманщины в XVIII в. продуцировали значительное количество уголовных дел, которые сегодня являются важным источником изучения различных аспектов социальной истории, в том числе истории семьи и детства.

В силу особенностей украинского (и не только) общества того времени (тотальной неграмотности населения, специфики делопроизводства и т.д.) простые люди, увы, редко оставляли тексты, написанные собственноручно. Зачастую их речь была передана письменно одним или несколькими «бюрократами» со свойственными им шаблонами, сокращениями и в соответствии

Игорь Александрович Сердюк
Полтавский национальный педагогический университет,
Украина
ig.serdiuk@gmail.com

¹ Статья подготовлена благодаря финансовой поддержке Научного общества им. Шевченко в США; грант на исследование темы «Детская смерть и смертность в обществе Гетманщины XVII–XVIII вв.».

с требованиями и традициями делопроизводства. Известный историк Дэвид Себиан на основании длительного изучения протоколов церковной консистории немецкой деревни Неккархаузен убедительно продемонстрировал, что в каждом таком протоколе звучит больше голосов, нежели кажется в первый момент [Себиан 2003: 59]. Но этот тезис касается голосов взрослых — а как быть историку детства? Как услышать в документе голос действительно маленького и бесправного человека?

Ребенок сам по себе сравнительно редко появляется на страницах судебных дел Гетманщины. Простой человек того времени фигурировал в документации, в первую очередь, в связи с крещением, бракосочетанием, смертью, покупкой недвижимого имущества. Но это формальные, «немые» отметки. Взрослый простолудин начинал говорить только тогда, когда попадал на страницы расследований о нарушениях права или морали в качестве обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. В этом отношении у детей было значительно меньше возможностей. Ребенок не имел имущества — значит, его не грабили; он не был столь же ценен для общества, как взрослый, — значит, нанесенные ему обиды реже доходили до суда, а если это и случалось, то детей представляли взрослые. Как свидетель малолетний не внушал особого доверия, поэтому мог рассчитывать на внимание суда, разве что будучи преступником, но и тогда детская речь передавалась словами и понятиями взрослого чиновника.

В судебных делах Гетманщины ребенок фигурирует уже с младенческого возраста: в украинских архивах сохранилось множество расследований обстоятельств детоубийств. Как правило, обвиняемой была женщина, которая пыталась скрыть главное доказательство внебрачных (добрачных) сексуальных связей. Известный украинский историк Владимир Маслійчук на основании подробного анализа более 80 таких дел показал несостоятельность исторического мифа о «извечной родительской любви к своему чаду как основополагающей черте украинского народа», который сконструировали этнографы XIX в. и их преемники [Маслійчук 20086]¹.

Начиная с 5–6-летнего возраста ребенок упоминается как жертва насилия (большинство таких дел касаются детей более старшего возраста). Это связано с тем, что дети того времени довольно рано начинали трудовую деятельность: они массово фигурируют в источниках как прислуга, наемные рабочие. Как

¹ См. также рецензию на эту книгу: [Сердюк 2011].

свидетельствуют судебные расследования, хозяева относились к таким работникам по нынешним меркам довольно жестоко и не гнушались физической расправой. Вероятно, избиеение малолетнего работника не было достаточным основанием для возбуждения уголовного дела, поэтому большинство из них касались убийств. Например, в августе 1765 г. житель городка Глинск Лубенского полка Андрей Кухар напился и насмерть забил вилами своего малолетнего работника Федора за то, что тот не почистил коня [ЦГИАУК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 49. Л. 2–4]. Девочки-служанки подвергались еще и сексуальному насилию. Один из хозяев в 1773 г. «страхом, биттям, ласкательством, обманом, давши копейку денег, растлил» в сарае свою малолетнюю работницу. Дело закончилось тем, что виновник заплатил потерпевшей 24 рубля [Ділова і народно-розмовна мова 1976: 260–262]¹.

Подобных документов сохранилось очень много, но все равно это казусные случаи — преступления, на которые человека могли подтолкнуть расчет, жизненный опыт, некие коллективные социальные установки, эмоции и эмоциональные состояния. Собственно, и эмоция могла быть как индивидуального, так и коллективного происхождения. Более того, как показывают исследования известной медиевистки Барбары Розенвейн, человек может принадлежать одновременно к нескольким эмоциональным сообществам, которым свойственны различные и даже противоречащие друг другу эмоциональные нормы (см. об этом во введении к сборнику «Российская империя чувств»: [Шахадат 2010: 21]). Таким образом, на простотюдина в «старой» Украине могли одновременно влиять нормы православной церкви, сельской «общины», профессиональной корпорации. Эта сторона частной жизни в Гетманщине вообще и отношение к детям в частности очень слабо исследованы, историки обычно апеллируют либо к личной выгоде, либо к неким общественным ментальным установкам. В данной статье мы рассмотрим эмоциональную составляющую одного дела о детоубийстве, чтобы ответить на вопрос о том, как повлияли на поступки фигурантов этого дела индивидуальный жизненный опыт, коллективные эмоции и эмоциональные состояния.

Из огромного массива документов о детоубийствах, представленного в архивах Украины, мы выбрали дело 25-летнего пастиуха Романа Краснощоченко, рассмотренное весной 1779 г.

¹ Как свидетельствуют другие документы, в растлении маленьких работниц обвинялись даже священники.

в Шишацком¹ сотенном правлении, а затем и в Миргородском городском суде². Эта история на фоне большинства других имеет важные особенности. Если изложить ее кратко, то в марте 1779 г. к Роману привезли его осиротевших племянников, больных какой-то неприятной и заметной с первого взгляда болезнью. Именно по этой причине родной дядя не пустил малышей в дом и на следующий день попытался от них избавиться. Четырехлетнего племянника он определил на лечение в одно из соседних сел, а полуторагодовалую девочку оставил в придорожной канаве, где она и умерла. Из дела следует, что Краснощоченко и сам был сиротой. Возникает вопрос: почему собственный опыт, а также родственные узы не помешали Роману в намерении избавиться от детей? Важно также, что это преступление не было вызвано аффективным состоянием (как великое множество других детоубийств), поскольку пастух имел довольно много времени на обдумывание ситуации. Значит, мы имеем дело с некими моральными установками и эмоциональными состояниями, присущими обществу Гетманщины, которые попытаемся определить ниже.

Таким образом, в одном тексте мы намерены объединить темы детства и эмоций, которые, увы, очень слабо представлены в украинской историографии. Они считаются «недиссертабельными», плохо обеспечены источниками, требуют оригинальных методологических подходов. Кажется, для исследователей Гетманщины основополагающая интеллектуальная провокация Филиппа Арьеса («Ребенок и семья при старом режиме» [Арьес 1999]) прошла практически бесследно, даже несмотря на доступность книги в русском переводе. Сегодня мы имеем лишь несколько заметных публикаций, основанных на анализе письменных источников с учетом идей Арьеса и дальнейших дискуссий вокруг них³. Значительно больше работ в украинской этнографии (этнологии), но они грешат переносом обычаев и конструктов XIX в. на более ранние периоды, а также слишком буквальным прочтением этнографического материала⁴.

¹ Шишаки — сотенный городок Миргородского полка, сейчас поселок городского типа, районный центр Полтавской области.

² После судебной реформы гетмана Кирилла Разумовского (1763 г.) в городских судах рассматривались серьезные преступления, такие суды функционировали в каждом полковом городе. На сотенные правления (канцелярии) возлагались функции правосудия относительно мелких преступлений и споров. Также в сотенных правлениях сначала допрашивали подозреваемых во всех преступлениях, совершенных на территории сотни, после чего дело либо рассматривали члены правления, либо направляли его в городской суд. См.: [Пашук 1967].

³ Отметим пионерские работы Владимира Маслійчука о родительских чувствах и отношении к ребенку в Гетманщине [Маслійчук 2008в], а также его книгу, посвященную детоубийству [Маслійчук 2008б].

⁴ Примером этого является том этнографической серии «Народная культура украинцев», посвященный детству в украинском традиционном обществе, авторства представителей украинской акаде-

Закономерно, что западноевропейская и мировая историография включает значительное число качественных работ, построенных как на наследии Арьеса, так и на его критике. Мы не будем на них останавливаться, поскольку это уже сделано неоднократно, например в замечательном эссе Хью Каннингема, опубликованном в “The American Historical Review” [Cunningham 1998], а также в специальных библиографических очерках¹. Отметим, что в данных обзорах представлены классические работы, посвященные различным аспектам детства. В их переводах остро нуждаются украинские исследователи. Они могут стать неким образцом и, параллельно с проведением тематических мероприятий, стимулировать к исследованию детства, как, например, это случилось в русской или польской историографии².

Методологические работы по истории эмоций (и в первую очередь страха и отвращения) нуждаются в переводе еще в большей мере. Русскоязычному читателю уже знакома знаковая книга Жана Делюмо «Грех и страх» [Делюмо 2003], сборник «Российская империя чувств» [2010], известная книга Юлии Кристевой [Кристева 2003]. Эти издания очень важны, но кроме них есть другие классические работы, например ставшая классикой работа Уильяма Редди «Навигация чувства», которая соединяет оригинальную теорию истории эмоций с примерами применения ее на практике [Reddy 2001].

Особенности источников

Система судебного делопроизводства Гетманщины дублировала материалы расследования тяжких преступлений на нескольких уровнях: сотни, полка, Малороссийской коллегии³, поэтому сегодня они могут быть распылены в различных фондах нескольких архивов. Протокол допроса Краснощоченко ранее

мической этнографии. В части, касающейся непосредственно ребенка XIX в., по сути, пересказывается известная книга Михаила Грушевского, написанная в начале XX в. [Грушевский 1904]. С точки зрения методологии издание небезупречно: в предисловии сказано, что авторы придерживаются модной нынче «на Западе» методологии «грибницы и куста» и исследуют все понемногу. См.: [Народна культура українців 2008].

¹ Перечень таких очерков см. в: [Вся история 2012: 11].

² Показателями возрастания интереса к теме являются, например, специальные выпуски центральных исторических изданий [Acta Poloniae Historica 1999], коллективные монографии и сборники [W kręgu 2014], работа специализированных институций, публикующих серийные издания, например Международный семинар РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики» (труды семинара см. в: [Вся история 2012; Малолетние подданные 2012]).

³ Коллегиальный орган управления Гетманщиной. Создана в 1722 г. вместо Малороссийского приказа для контроля над деятельностью гетмана, упразднена в 1727 г. В 1764 г., после ликвидации должности гетмана, возобновлена как правительство автономной Гетманщины, просуществовала до 1786 г.

был частично опубликован в хорошо известном украинском историкам сборнике «Ділова і народно-розмовна мова XVIII ст.»¹. Составители издания обнаружили документ в фонде № 105 (Миргородский гродский суд), протокол был отправлен из Шишак в Миргород 4 апреля 1779 г. [ЦГИАУК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6]. Необходимо учитывать, что «сотенный» этап судопроизводства предусматривал лишь предварительное расследование, в документах этого уровня не стоит ожидать найти решение суда. В данном случае происшествие описано только со слов самого Романа [Ділова і народно-розмовна мова 1976: 356–359].

Более подробное дело недавно удалось обнаружить в фонде № 54 (Вторая Малороссийская коллегия) ЦГИАУК. Обстоятельства преступления изложены на 10 листах вперемешку с допросами неизвестной блудницы Анастасии. Здесь есть информация о приговоре, а также о других фигурантах драматической коллизии. Данный документ существенно дополняет опубликованный ранее, им можно воспользоваться для разбора трагических перипетий в жизни молодого пастуха [ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2592]. К сожалению, мы не можем быть свидетелями диалогов, которые скрываются за унифицированным рассказом, зафиксированным по устоявшейся схеме.

Своеобразную формулу написания протокола как стандартной формы фиксации следственных и судебных процедур в большинстве регионов Центральной Европы на основании тщательного изучения подобной документации Германии раннего Нового времени вывел Дэвид Себиан: *действие — кульминация — наказание* [Себиан 2003: 62–63]. По его мнению, такая формула имеет много общего с последовательностью событий в волшебной сказке, о которой в свое время писал В.Я. Пропп: *конфронтация — победа — компенсация*². В нашем случае конфронтация выразилась в действиях главного героя, повлекших гибель девочки, следствие нашло виновного (победа), а суд наказал (компенсация). Акцентирование внимания на этих «главных» слагаемых вывело за рамки изложения «второстепенные», но значимые для нас мелкие детали, фразы, объяснения, которые могли нести информацию об эмоциональной составляющей дела.

Вместе с тем важно понимать, что автор протокола писал его, учитывая возможного читателя — вышестоящее должностное лицо, которое могло проверить правильность процедуры следствия и законность наказания. Таким образом, он заранее соз-

¹ «Деловой и народно-разговорный язык XVIII в.».

² Речь идет о работе: [Пропп 2000].

дал (как минимум для себя) картину преступления и изложил ее на бумаге. Влияние рассказчика на читателя здесь может осуществляться посредством коннотаций текста, которые воспринимаются скорее на эмоциональном, а не на логическом уровне. Последнее проявляется уже в названии самого дела: «Дело о *непреднамеренном* [курсив мой. — И.С.] убийстве Краснощоченко малолетней племянницы, о публичном наказании его и о наложении епитимии». Особенности источника, упомянутые выше, приводят к размыванию границы между «реальным» и «надуманным» в поведении главного героя, однако эти материалы красноречивы в смысле оправдания (или осуждения) его поведения рассказчиком, а следовательно, в некоторой степени и официальным дискурсом.

Структура протокола нарушает темпоральную логику развития событий. Рассказ начинается с того, что 28 марта 1779 г. возле Шишак была «сыскана в рове неживой» маленькая девочка [ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2592. Л. 1]. Поиски возможного виновника скоро привели к ее дяде Роману¹. Далее сюжет «разворачивается» во времени и подозреваемый рассказывает о своем детстве², поэтому мы имеем возможность реконструировать личный жизненный опыт Краснощоченко.

Личный жизненный опыт

Роман родился в селе Опришки Городышской³ сотни Миргородского полка в семье Степана Краснощека и Анастасии. Степан батрачил в хозяйстве местных казаков Таранцов, а затем вместе с семьей перебрался в село Глобино⁴ той же сотни, где еще семь лет пас овец посполитого Михайлыка. Оттуда Краснощеки перешли на хутор возле села Жуки (та же сотня), где Степан пас овец еще год и потом умер. Мать с Романом вернулась к Михайлыку, у которого прожила год, а потом оставила сына и пошла в село Пустовойтов «во услугу» к бригадирше Веткевичевой, где и умерла [Ділова і народно-розмовна мова 1976: 356–359].

Таким образом, парень остался сиротой. Возраст наступления сиротства трудно определить точно. Сам Роман показал, что

¹ Можно отметить оперативность расследования: уже 4 апреля подозреваемого допросили в Шишаках и получили признание, а 7 апреля протоколы допроса Романа (очевидно, вместе с ним) были отправлены в Миргород.

² Типичная для того времени практика, но в данном случае биографический рассказ выделяется своими подробностями на фоне обычных кратких сведений.

³ Городыще — сотенный центр Миргородского полка, сейчас Градыжск — поселок городского типа Глобынского района Полтавской области.

⁴ Сейчас одноименный районный центр Полтавской области.

это произошло в пятилетнем возрасте, т.к. мать «оставила его, Романа, в пяти годах». Однако в этом он противоречит самому себе, поскольку, по его словам, отец пас овец Мыхайлыка семь лет, еще год они жили на хуторе возле Жуков и год Роман прожил с матерью после смерти отца. Выходит, что к концу этого периода Краснощоченко должно было исполниться 9–10 лет. Вероятно, на допросе подозреваемый ошибся с определением срока своего жительство в Глобино. На это косвенно указывают подсчеты времени странствий Романа уже без родителей (если мы вычтем их из возраста парня на момент совершения преступления — 25 лет)¹.

Итак, уже в довольно раннем возрасте Роман остался без попечения родителей. Такая ситуация в целом была обычной для тогдашнего общества, которое характеризовалось высоким уровнем смертности. Осиротев, дети не всегда могли рассчитывать на поддержку родных (даже если таковые имелись) и нередко были вынуждены самостоятельно добывать средства к существованию. Например, по данным Генеральной описи² полкового города Стародуба (1766 г.), среди детей 5–7 лет уже 5 % жили без родителей, среди 8–11-летних их доля колеблется в пределах 10–22 %, а в возрасте 13–14 лет практически каждый второй городской ребенок жил вне собственной семьи³. Подобная ситуация была характерна для города того времени. Ольга Кошелева прекрасно показала это на примере Петербурга времен Петра I, где 27 % жителей в возрасте до 16 лет составляли сироты, незаконнорожденные, подкидыши, дети бедняков. Старшие из них работали, а малолетних брали в дома горожан в качестве прислуги [Кошелева 2004: 174–175].

Часть таких малолетних сирот приходили в города из сельской местности в надежде прокормиться. Почему так не поступил Краснощоченко? Этот вопрос очень важен для понимания поведенческих стратегий жителей различных регионов Гетманщины. Показательно, что наш герой — уроженец Миргородского полка, который был значительно менее урбанизированным по сравнению с тем же Стародубским. На территории последнего располагались такие довольно крупные города, как Стародуб, Погар, Почеп, Мглин, Новгород-Северский, а также

¹ Человек раннего Нового времени вообще плохо знал свой возраст и довольно свободно трактовал продолжительность этапов своей жизни. Высока доля вероятности того, что Краснощоченко округлил свой возраст до 25 лет, на самом деле на время преступления ему могло быть как больше, так и меньше (соответственно и сиротой Роман мог стать и в 5 лет, и в 10). О причинах таких округлений см. подробнее: [Сердюк 2008: 55–62].

² Тотальная перепись населения Гетманщины, которая взяла на учет и детей обоих полов, производилась в 1765–1769 гг.

³ Подсчитано на основании данных: [ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а].

многочисленные раскольные слободы с их промыслами и мануфактурами. Миргородский полк не имел подобных поселений, в этом смысле он соответственно изображается в географическом описании Малой России авторства Герарда Миллера. Придворный историк как «примечания достойные» выделил Сорочинцы — городок, заметный только пребыванием полковой администрации, и Городище — лучшее на Днепре местечко с неплохими ярмарками, и наделил Миргород уничтожительной характеристикой: «Известен тем токмо, что звание полка от него заимствуется» [Миллер 1846: 27].

Как видим, среди городских поселений полка лучшим вариантом для сироты могло быть Городище — центр сотни, где как раз жил Роман, однако он почему-то туда не пошел. В течение трех лет после смерти родителей парень пас свиней и телят у посполитого Мыхайлика (у которого его оставила мать). После этого он ушел в соседнюю Брусову слободу, где три года пас овец у Григория Ковтуна, еще три года — у братьев Бабченко и два года — у Корнея Харланенко. Потом Роман перешел на хутор Задорожного, где, проработав два года, женился на служанке Евфимии, с которой на время судебного разбирательства он жил четвертый год [Ділова і народно-розмовна мова 1976: 356–359].

Подобная «карьера», очевидно, еще долгое время была нормой для простого сельского парня в традиционном украинском обществе. Известный украинский писатель-сатирик Остап Вишня замечательно описал этапы своего «учения» в маленьком украинском селе конца XIX в. С малых лет он прошел несколько обязательных этапов «профессионального роста»: гуси — свиньи — телята — овцы — коровы — лошади. Вишня в ироничной форме изобразил атрибуты, сопутствовавшие взрослению. Одним из них были штаны, которые не полагались самым маленьким детям, но были уже необходимы свинопасам [Вишня].

Возможно, и наш персонаж начинал трудовую биографию с гусей, однако он ведет свой рассказ с выпаса свиней, далее — телят и, наконец, овец. Важным аспектом пастушеского ремесла являлась высокая мобильность человека, который мог перемещаться как со своим стадом, так и в поисках новой работы. В этом плане судьба Романа достаточно показательна: он изменил несколько мест проживания, переходя от одного хозяина к другому. Распространенность этого явления в обществе Гетманщины отметил Кирилл Разумовский¹: «В Малой России

¹ Кирилл Разумовский (1728–1803) — в 1750–1764 гг. гетман Войска Запорожского, граф, генерал-фельдмаршал, в 1746–1798 гг. президент Российской Академии наук.

<...> немалое число бродит по миру везде <...> людей мужеска и женска пола, возрастных и малолетних, кои <...> оставшись сиротами при неимении своего пристанища, или к тому допущению от отцов и матери, кои по своему убожеству пропитать их не в состоянии» [Зародження робітничого класу 1982: 161].

Как видим, дети, которые не имели постоянного жилья и заработка, бродили в поисках временных. Более того, рассматриваемое дело выявляет очень важный аспект такой мобильности: родители Романа и он сам перемещались часто, но на достаточно небольшой территории, не покидая пределы полка и даже Городищенской сотни. Одним из объяснений этого является активная правительственная политика, направленная на дисциплинирование населения, в том числе ограничение его перемещений. В XVIII в. огромное число судебных дел возбуждалось в отношении людей, путешествовавших без необходимых на то разрешений. В тогдашней юридической терминологии подобные правонарушения именовались «безпапшпортный ход». Например, в 1775 г. они составили 15 % всех преступлений, рассмотренных Полтавским городским судом. Эта группа нарушений была второй по численности и уступала только преступлениям против собственности (преимущественно кражам). Среди правонарушителей встречаются личности с «выдающимися достижениями». Некий Алексей Штега сменил более 20 мест проживания, путешествуя вместе с женой и детьми по нескольким полкам Гетманщины и на территории Запорожской Сечи. Но и он был пойман в кабаке в Терешках¹ (а ранее еще трижды — за перемещение без документов)². Поэтому таким, как Краснощоченко, приходилось искать счастья на территории своей сотни.

Вероятно, поиски заработка на небольшой локальной территории были мотивированы и спецификой распространения информации о возможных «вакансиях» (известия о необходимости рабочих рук с соседнего хутора приходили быстрее, нежели с территории другого полка), и наличием родственников, которые могли помочь с трудоустройством. Можно предположить, что примерно так произошло и с Романом: проведя детские годы на территории родной сотни, он перебрался на хутор Задорожного в соседней Шишакской сотне, где и женился. К этому парня мог побудить старший брат, который (по опосредованной информации источника) жил на хуторе Кочубея за версту от хутора Задорожного.

¹ Небольшое село возле Полтавы.

² Об этих и других «подвигах» полтавских преступников см.: [Волошин 2010; 2012].

Биография Романа показательна в смысле судьбы ребенка-сироты в обществе Гетманщины и его жизненных стратегий: парень путешествовал, работал по найму, меняя хозяев, и сам зарабатывал на хлеб. Достигнув взрослого возраста, он женился на такой же батрачке и получил все шансы заработать на собственный дом¹. Если выражаться несколько пафосно, Краснощоченко до дна испил горькую чашу сиротства, на собственной шкуре познал все тяготы раннего детского труда, отсутствие родительской ласки и заботы, жестокость хозяев. Кому, как не ему, было предначертано судьбою жалеть и понимать таких же сирот, каким был он сам, тем более — родственников? Казалось бы, личный опыт должен был побудить Романа оставить детей у себя, несмотря на их болезнь. Однако жизнь Краснощоченко — это медленный и тяжелый путь социализации. Он прошел все ступени пастушьего ремесла, сменил много мест жительства и, наконец, остановился, обрел крышу над головой, женился. Напомню, что Роман был пастухом, а, по утверждению Питера Берка, в раннемодерной Европе пастухи не вписывались в крестьянское земледельческое общество, считались чужими, подозрительными, нечестными, ленивыми [Берк 2001: 33–35]. Изначально чужим для местных жителей Краснощоченко мог быть и как переселенец [Яковенко 2002: 118]. Он родился и вырос за сто километров от последнего места жительства — возможно, парню понадобилось несколько лет, чтобы его признали своим, он смог жениться, что тоже придало ему веса для вхождения в местное «общество». Все это ставилось под угрозу появлением больных сирот, одна только родственная связь с которыми могла навредить «репутации» и испортить будущее молодому человеку и его семье. В этом смысле личный жизненный опыт побуждал пастуха скорее к отторжению детей, нежели к эмпатии.

Болезнь, страх и отвращение

Итак, в марте 1779 г. шел шестой год проживания Краснощоченко в хуторе Задорожного и четвертый год его пребывания в браке. В это время на соседнем (за версту) хуторе умерла жена «брата его родного умершего Петра Краснощоченка жена, а его, Романа, невестка». Ее смерть сделала сиротами племянников Романа — четырехлетнего мальчика и полуторагодовалую девочку. Как сказано выше, оба были больны, и 26 марта детей привезли «к нему, Роману, как к дяде их» [Ділова

¹ За данными Генеральной описи 1765–1769 гг. недорогой дом с подворьем можно было купить за 10–15 руб., тогда как наемные работники зарабатывали в год 3–4 руб., живя на полном довольствии (жилье, еда, одежда) у своих хозяев.

і народно-розмовна мова 1976: 356–359]. Последнее замечание важно: детей привезли к их ближайшему родственнику, вероятно, как к человеку, который должен был заботиться о сиротах. Такая практика, очевидно, была общепринятой в Гетманщине. Семьи, которые давали приют малолетним родственникам, неоднократно упоминаются в Генеральном описании. Например, в городе Стародубе по состоянию на 1766 г. 10 мальчиков и 12 девочек жили не с родителями, а в семьях своих родственников (братьев, сестер, теток и т.д.)¹. Как отметила Ольга Кошелева (относительно Российской империи), дети, которые не имели семьи, обычно находились под опекой общины или дальних родственников [Кошелева 2004: 174].

Когда на хутор Задорожного привезли детей, их дяди не было дома, поэтому хозяин хутора приказал усадить сирот под хатой. По приезду Романа он запретил брать детей в дом, мол, они «нечистые». Краснощоченко накормил их, но в дом не взял, поэтому его племянники ночевали на улице. Напомню, что дело происходило в марте и маленькие дети могли страдать ночью от холода.

В данном случае поведение взрослых в отношении детей является коллективным. Их не пустили в дом как минимум три человека: хозяин хутора, Роман и его жена. Конечно, каждый из них мог иметь собственную картину происходящего, но ими двигали общие социокультурные нормы, которые, как пишет Ольга Глаголева, влияют на эмоции не меньше, нежели индивидуальные особенности человека [Глаголева 2010: 331]. Действительно, Краснощоченко с женой могли послушаться хозяйна и пустить детей в хату тайком, но они этого не сделали, поскольку тоже боялись контакта с племянниками. В этом месте источник, возможно, передает нам непосредственно слова участников диалога. По свидетельству пастуха, хозяин хутора Задорожный назвал детей «нечистыми». Эта характеристика свидетельствует, что заболевание малышей могло восприниматься не только как нечто непосредственно заразное, но и отвратительное, ужасное и даже дьявольское. В украинском языке слово «нечистый» традиционно используется для указания на связь с потусторонним миром, так называют черта [Словарь української мови 1958: 562]. По-видимому, в глазах людей того времени контакт с этими детьми был опасен как физическим заражением, так и осквернением тела, имущества, жизненного пространства.

О какой же болезни идет речь? В тексте допроса Шишацкого сотенного правления говорится, что мальчик был болен на

¹ Более подробно см.: [Сердюк 2012].

«волос» [Ділова і народно-розмовна мова 1976: 358], а в деле Миргородского градского суда — что оба ребенка «имели на себя колтун» [ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2592. Л. 1]. Конечно, обе эти болезни не исключают одна другую. Наиболее вероятно, что «волосом» называли кожное заболевание панариций — острое гнойное воспаление тканей пальцев рук, режее ног, которое выглядит как ранка с мутной жидкостью или гноем¹. У четырехлетнего мальчика «волос» был на обеих ногах. «Колтун», или «гостец» — воспаление сальных желез головы, которое возникает вследствие плохих гигиенических условий, наличия вшей т.д.² Эта болезнь связывалась со злыми духами или проклятием и считалась заразной или наследственной. Ее восприятие обществом Гетманщины отражает лечебник XVIII в.: «Колтонова хвороба, которая гостцем називається, єсть не єдного роду, ібо или єсть дедична, то єсть с родственниками на потомство спадаючая, или с чаров, или с заразы єден от второго». Причем некоторые случаи колтуна считались неизлечимыми: «Першого роду колтун неизлечоний, поневаж дедичний, другий, с чар происходя, немного может бити излечон и не без великой трудности быт может лечон» [Лікарські та господарські парадники 1984: 48, 63–64].

Неизлечимость этой болезни гораздо раньше поставил под сомнение Гийом де Боплан³: «Недугу они между собой считают неизлечимой, однако я с успехом лечил многих больных тем методом, которым во Франции лечат сифилитиков»⁴. Француз также отметил, что болезнь передавалась только половым путем, но отнюдь не через бытовые вещи (в частности, общую посуду)⁵. Трудно сказать, что думали по этому поводу в Ши-

¹ См.: <<http://medicina.ua/diagnosdiseases/diseases/2994/4654/>>.

² См.: <<http://uk.wikipedia.org/wiki/Гостець>>.

³ Гийом ле Вассер де Боплан (ок. 1595–1685) — французский инженер и военный картограф, с начала 1630-х до 1648 г. находился на польской службе, преимущественно на территории нынешней Украины.

⁴ Наиболее вероятно, что это были препараты (мази) на основании ртути. Официальная европейская медицина в XVII в. придерживалась «унитаристских» взглядов на сифилис, т.е. не отделяла от него гонорей и другие менее опасные болезни, поэтому трудно сказать, действительно ли от ртутных препаратов излечивались именно сифилитики. См. подробнее: [Степаненко, Степаненко 2005].

⁵ Француз дал достаточно красочное описание симптомов и развития болезни (мой перевод с украинского издания): «Больные этим недугом (который называется во Франции «колтуном») целый год лежат без движения, словно парализованные, чувствуя большую боль в нервах. Они неудержимо кричат от этого. Когда пройдет год, одной ночью у них так сильно вспотеет голова, что утром все их волосы склеиваются в кучу и свисают одной широкой прядью, будто хвост трески; с этой минуты больной чувствует себя намного лучше, а через несколько дней выздоравливает, будучи более здоровым, чем перед недугом. Только волосы выглядят ужасно, их нельзя расчесать, а если бы кто хотел срезать, то жидкость, которая выделяется через поры на голове, за два дня попала бы ему на глаза, и он непременно бы потерял зрение. <...> Случается, что и дети появляются на свет, пораженные ею с такими же слипшимися волосами; но это хороший знак, потому что впоследствии волосы расклеиваются и дети никогда больше той болезнью не болеют» [Боплан 1990:

шацкой сотне столетие спустя, но лечебники акцентировали внимание именно на заразности и колдовском происхождении. Восприятие болезни Бопланом и авторами лечебников разное: мы видим два подхода — ученый и простонародный. Француз как военный инженер пытается лечить болезнь так, как это предлагала европейская медицина, ему важен результат. Лечебник же «докапывается» до ее происхождения, ищет тайный смысл и предлагает некий набор действий, в том числе магического характера.

Общество Гетманщины практически не знало образования, ученую культуру «в низах» представляли преимущественно священники, которые отличались скорее грамотностью, а не «ученостью» и были таким же продуктом простонародной культуры с присущими ей мифами и предрассудками. Они способствовали тому, что на традиционное восприятие «чистоты» и «грязи» наслаивалось религиозное. Для религии, по мнению известного антрополога Мэри Дуглас, ключевым является раздел между «святым» и «нечистым» [Douglas 2007: 51]. Дуглас определила «нечистое» как нечто пребывающее не на своем месте, для его определения важную роль играет отвращение, которое помогает проводить некие границы. Более того, обряды очищения выталкивали «нечистое» на символическом и физическом уровнях.

Средневековое общество выработало собственные механизмы и определило довольно большой круг объектов такого выталкивания: маргинальные группы (проститутки, прокаженные, преступники), «плохие» ремесла (золотари, гробовщики, палачи) и др. [Konkol 2010: 19]. Их представители жили в определенном месте, имели собственный круг общения. В этом случае главной целью выталкивания было создание зазора, границы между условно «хорошим» и «плохим». Когда речь шла о болезни, отвращение дополнялось страхом не только за свою «чистоту», но и за жизнь. В истории Гетманщины можно найти множество примеров актов очищения. Например, когда в октябре 1760 г. на Сечи возникли опасения вспышки чумы, старшины прогоняли больных в степь: «Которые еще милостивые были, не снимали с них платья, и еще при том съестные и питьевые припасы им давали, а которые немилостивы, то с них снимали платье и без питья и ествы выгоняли голых». Показательно, что в этом случае казаки ограничились очистительными мерами, не объявили карантин и прибывшие несколько

81–82]. Отмечу, что версия Боплана не только существенно отличается от содержания лечебников того времени, но и не обнаруживается в документах, особенно это касается годичного лежания без движения.

позже в Запорожье врачи признаков чумы не нашли [Кузик 2002: 215–226].

Племянники Краснощоченко должны были вызывать у людей желание дистанцироваться. Их болезнь была видна, как явствует из приведенных выше описаний волоса или колтуна, дети могли представлять довольно отталкивающее зрелище. Как пишет Сара Ахмед, «отвращение <...> является пространственной иерархией, в которой тела других превращаются в значимый, бросающийся в глаза объект. Они представлены как ненавистные и вызывающие тошноту в той мере, в какой они оказываются слишком близко»¹. Конечно, мы можем только догадываться, насколько сильным было отвращение. В этом аспекте кажется действенным понятие «эмотив», предложенное Уильямом Редди. Этим термином он обозначил проговаривание вслух эмоционально-описательного слова или фразы («я боюсь» и др.), которое не просто характеризует эмоциональное состояние, а усиливает его [Reddy 2001: 128]. Напомню, что хозяин хутора называл детей «нечистыми»; возможно, он использовал и другие характеристики, потенциальным слушателем которых в отсутствие Краснощоченко была его жена.

Преступление и наказание

Племянники провели ночь на улице, на следующее утро Роман посадил их на телегу и поехал в сторону Шишак, с тем чтобы устроить мальчика где-нибудь на лечение, а девочку «кому отдать за ребенка или оставить где-нибудь на пути, а не случится ли, кто оную взять» [Ділова і народно-розмовна мова 1976: 358]. В данном случае механизмы выталкивания продолжали работать уже на физическом уровне: «нечистое» надо было удалить с хутора.

В отношении к больным «на гостец» в то время это была довольно распространенная практика. В качестве примера рассмотрим биографию полтавского колодника² Ивана Липенко, приведенную в одном из судебных дел. Подсудимый рассказал, что отец отдал его малолетним на 10 лет полтавскому жителю Тихону Кривченко для обучения ткацком ремеслу, откуда парень убежал через три года и пошел жить к другому полтавскому ремесленнику Трофиму Шапочнику. У последнего прожил около года и бежал в село Павленки, где нанялся пасти скот

¹ Цит. по: [Кунцман 2010: 387].

² Понятия «колода», «острог», «турма» употреблялись в судебной лексике Гетманщины для обозначения помещения, в котором содержались преступники во время досудебного следствия. Соответственно «колодник» — заключенный в колоде.

и жил четыре года до того времени, пока не обжег себе правую ногу (разогревая пищу для собак). Параллельно с ожогом у бедняги еще и «гостец приключился». Тогда казаки, у которых парень работал, привезли Ивана в Полтаву к помещице Евдокии Маркевичевой (Липенко был ее подданным). Помещица велела отвести его в госпиталь¹ при полтавской Успенской церкви, где Иван пробыл четыре года, пока не вылечился от болезни [ЦГИАУК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2]. Биография Липенко доказывает, что здоровому парню не составляло проблемы найти место жительства и работы, но стоило ему заболеть «плохой» болезнью, от него все постарались избавиться — как работодатели, так и хозяева. Такое «избавление» имело определенный алгоритм: надо было найти место, куда пристроить больного, и оставить его там на неопределенное время.

В соответствии с подобным алгоритмом действовал и Краснощоченко: девочку он хотел отдать «насовсем», т.е. с самого начала не планировал заботиться о своих племянниках. Его стремление отдать ребенка соответствует тогдашним реалиям; в сообществе Гетманщины существовал термин «выросток», которым обозначали приемных детей или слуг, выросших в доме хозяина [Левицкий 1901: 180–216]. Такие малолетние рабочие были довольно частыми фигурантами Генеральной описи Малороссии 1766 г. Например, в Стародубе среди рабочих возного Ивана Сороки записана восьмилетняя Фотиния, «взята с малолетства на пропитание». В отдельных случаях источник сообщает, что ребенка взяли в семью как питомца: «взята на воспитание» или «взята с малолетства на пропитание» [ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 309 об.].

Племянников Романа действительно могли взять из прагматических соображений, тогда как их дядя не нуждался в потенциальных рабочих руках детей, поскольку и сам был батраком. Хозяину хутора больные малыши тоже не были нужны. Позже Краснощоченко говорил на допросе, что хотел отдать племянницу кому-нибудь вместо дочери. Подобный вариант был возможен, однако по данным Генеральной описи такого большого города, как Стародуб, среди 4,5 тысяч жителей нам удалось найти только один такой случай: «взятая вместо дочери девка Мария». Мария была единственным ребенком в семье 35-летнего мещанина Ивана Цирюльника и его 30-летней жены. Учитывая возраст супругов, можно предположить, что собственных детей у них не было, потому они и удочерили Марию. На момент переписи ей было четыре года, следовательно, де-

¹ В Гетманщине госпиталь («шпиталь») был местом пребывания больных и калек, практически никакого лечения там не предполагалось.

вочку приняли в семью совсем маленькой, возможно младенцем [ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Л. 28 об.].

Итак, Роман с детьми приехал в Шишаки и отправился ко двору местного казака Сидора Гришко, жену которого люди рекомендовали ему как целительницу. Та отказалась лечить мальчика, но посоветовала обратиться к другой знахарке — некой Беленькой. Краснощоченко немного отъехал от Шишаков, становился в поле, в придорожной канаве постелил кусок покрывала и оставил на нем полуторагодовалую племянницу, а племянника отвез к Беленькой на лечение. Вернувшись на свой хутор, Роман сказал, что оставил на лечение обоих племянников, а через несколько дней его уже допрашивали в Шишацком сотенном правлении, поскольку девочка умерла [Ділова і народно-розмовна мова 1976: 358].

Как видим, бывший сирота не пожалел маленькую племянницу и весенним вечером оставил ее на дороге. Вряд ли он не предполагал, что ребенок может умереть. Поступок Романа не выглядит шокирующим на фоне многочисленных случаев инфантицида, описанных Владимиром Маслийчуком [Маслійчук 2008а]. Однако он отличается тем, что был совершен мужчиной и не имел целью скрыть факт блуда (как это было с большинством женщин-детоубийц), причиной было нежелание (или невозможность) обременять себя воспитанием племянницы.

На этом драма практически пришла к завершению, но в конце круг ее участников расширился. Утром 28 марта мимо упомянутого рва проезжали казаки Чумаченко. Как позже показал один из них в Миргородском суде, они слышали детский плач, но не останавливались посмотреть, кто плачет; возвращаясь вечером, они увидели в канаве мертвую девочку. Братья объявили властям о своей ужасной находке, с чего и началось расследование дела. Этот эпизод также заслуживает внимания. Кажется сомнительным, что Чумаченко не захотели выяснить источник плача, тем более что для этого достаточно было свернуть с дороги на несколько метров. Возможно, их оттолкнули именно болезнь и чувство страха или отвращения — но это уже наши догадки.

К сожалению, источники очень кратко рассказывают о финале истории. Решением суда Краснощоченко посадили в колоду вместе с одним из братьев Чумаченко (последнего за то, что тот слышал плач, но ничего не сделал, чтобы помочь), но затем оба отделались епитимией [ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2592]. Само наказание довольно проблематично расценивать в системе координат *мягкое / суровое*. В Гетманщине XVIII в. действовала смесь «старого» права (представленного преимущественно

Литовским статутом и Магдебургским правом) и активно внедряемого «нового» законодательства Российской империи. Практическое использование этих норм было довольно запутанным вследствие произвольной трактовки судами [Маслийчук 2010]. Это можно объяснить составом тогдашнего суда, который формировался из казацкого старшины, магистрата, известных персон. Профессиональными юристами эти люди не были. Отсутствие юристов вполне закономерно: по меткому наблюдению историка Александра Каменского, в Российской империи XVIII в. право еще не существовало как самостоятельная сфера общественной деятельности [Каменский 2006: 42]. Судьи имели возможность избрать наказание по своему выбору, но должны были учитывать изменения в имперской системе наказаний, которые осуществлялись под влиянием идеалов Просвещения. Так, на деятельность судебных инстанций важное влияние оказал указ 1763 г. с его знаменитой формулой «лучше десятерых виновных простить, чем одного невинного казнить».

В итоге судебные приговоры Гетманщины второй половины XVIII в. имеют похожий формуляр. Сначала суд апеллировал к определенным нормам Литовского статута, которые требовали преимущественно сурового наказания, потом ссылался на указ 1763 г. или ему подобные и оглашал более мягкий приговор (телесные наказания, ссылка). Например, за убийство матерью своего новорожденного ребенка Статут (раздел 11, артикул 60) требовал смертной казни, но, изучив более 80 подобных процессов второй половины XVIII в., Владимир Маслийчук не нашел ни одного смертного приговора. Самый суровый из них был назначен женщине, которая повинилась в жестоком убийстве ребенка, — битье кнутом и ссылка в Оренбург. В большинстве же случаев наказывали плетью и отпускали или накладывали епитимию.

Деяние Краснощоченко могло подпасть под 7 артикул 11 раздела Литовского статута. Эта норма касалась убийства ребенка родственниками: «За тое год и шесть недель на замку седети у вежи, а выседевши год и шесть недель, мает еще до году чотыри крать при церкве, при костеле якого набоженства християньского будет покутовати и визнавати явный грех свой перед всеми людьми собранья християньского» [Статут 2002–2003]. Однако, как уже говорилось, Романа было решено отпустить из острога и подвергнуть церковной епитимии. Такое наказание тоже было малоприятным: молодому человеку надо было каждое воскресенье в церкви прилюдно каяться и, возможно, даже стоять «в куне» (с железным обручем на шее и прикованным цепью к церковной стене). Безусловно, оно воспринималось как унижительное и имело психологическое воздействие.

Как наказание могло засчитываться пребывание в остроге (колоде) во время досудебного расследования. Некоторые колодники ждали суда несколько лет, например, по состоянию на 1751 г. в острогах Гетманщины пребывали 347 заключенных, из которых некоторые сидели с 1746 г., большинство — с 1748–1749 гг., а двое вообще умерли, не дождавшись суда [ЦГИАУК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 10899]. Краснощоченко в этом плане исключительно повезло, его дело было рассмотрено в течение месяца, и он вышел на свободу.

Каким образом приговор по данному делу соотносился с наказаниями за убийство взрослых родственников? Приведем два примера. В 1781 г. жительница Миргородского полка вместе со своим любовником гренадером и его друзьями убила мужа: виновных наказали «вечной» ссылкой в Оренбург [ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3200]. В том же году житель городка Обухов Нестор Литвин поссорился с родным братом Дмитрием и в драке случайно убил его: Нестор был наказан кнутом, ему вырвали ноздри и отправили в Сибирь. Эти случаи и опыт работы со многими другими источниками того времени подсказывают, что Роман получил довольно мягкое наказание: он избежал ссылки, распространенного телесного наказания, не будучи богатым и знатным. Из этого следует, что суд не счел его преступление значительным.

* * *

Поступок Краснощоченко, как и большинство других преступлений и казусов, безусловно, имел эмоциональную составляющую, которую надо учитывать. Трудно поверить, что пастухом руководил только бесстрастный рассудок в категориях *хорошо / плохо, правильно / неправильно*. Еще менее целесообразно оперировать категориями «жестокий век», «жестокое люди» и т.д. Человек того времени вряд ли полагал, что он живет по жестоким законам, и наш герой вряд ли думал, что должен почувствовать племянникам-сиротам потому, что и сам был сиротой. Личный жизненный опыт подталкивал Романа скорее беречь занятую им социальную нишу, нежели жалеть племянников. Вероятно, их болезнь вызывала и другие эмоции: страх заразиться и отвращение к «нечистоте» склоняли к «выталкиванию» детей за рамки своего «нормального», «чистого» жизненного пространства. Подобные практики не были чем-то экстраординарным. Общество того времени имело действенные механизмы выталкивания и сформировало широкий круг его объектов: представители маргинальных групп, «плохих» ремесел, наконец, большие «плохими» болезнями.

Финал дела еще раз подтверждает, что население Гетманщины меньше ценило жизнь ребенка, чем взрослого. Наказание за

детоубийство было более мягким и в рассматриваемом случае носило скорее воспитательный, условный характер. Общество и власть довольно терпимо отнеслись к преступлению, о чем свидетельствуют не только приговор, но и коннотации источника. Его автор настойчиво акцентирует внимание читателя на болезни детей, поисках Романом места для лечения, но при этом чрезвычайно скупо описывает обстоятельства, которые собственно привели к смерти ребенка. Вероятно, страшное для того времени заболевание было основанием оправдать поступок Краснощоченко, который с правовой стороны был преступлением, а с точки зрения общественной морали и эмоциональной составляющей выглядел довольно логичным и даже избавлял общество от лишних хлопот и опасности.

Список сокращений

ЦГИАУК — Центральный государственный исторический архив Украины в городе Киеве

Источники

- Боплан Г.Л. де.* Опис України, кількох провінцій Королівства польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воен. Київ: Наукова думка, 1990. 256 с.
- Вишня О.* Як ми колись учились. 1923–1954 рр. <<http://www.ukrlit.vn.ua/lib/vishnya/ag304.html>>.
- Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1904. 382 с.
- Ділова і народно-розмовна мова XVIII ст. (Матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України). Київ: Наукова думка, 1976. 416 с.
- Зародження робітничого класу на Україні. Середина XVIII ст. — 1861 р.: Збірник документів і матеріалів. Київ: Наукова думка, 1982. 472 с.
- Левицкий О.* Очерки народной жизни в Малороссии во второй половине XVII ст. // Киевская старина. 1901. № 2. С. 180–216.
- Лікарські та господарські порадики XVIII ст. Київ: Наукова думка, 1984. 127 с.
- Миллер Г.* Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г.Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М.: О-во истории и древностей росс., 1846. 95 с.
- Словарь української мови: В 4 т. / Упор. Б. Грінченко. Київ: Вид-во АН УРСР, 1958. Т. 2. 580 с.
- Статут Великого княжества Литовского 1588 года / Подг. О. Лышкевич. Минск, 2002–2003. <<http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>>.

Архивные материалы

- ЦГИАУК. Ф. 51. Оп. 3. Д. 10899. Краткие экстракты со всех малороссийских полковых секвестров. 1751 г.
- ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2592. Дело о непреднамеренном убийстве Краснощоченко малолетней племянницы, о публичном наказании его и о наложении епитимии. 1779 г.
- ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3200. О убийстве Мариной Помазовой с гренадерами мужа своего, отставного капрала Помазова. 1781 г.
- ЦГИАУК. Ф. 57. Оп. 1. Кн. 148а. Румянцевская опись г. Стародуба. 1765 г.
- ЦГИАУК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2. Решения Полтавского полкового суда. 1746–1770 гг.
- ЦГИАУК. Ф. 101. Оп. 2. Д. 49. Дело содержащегося в Лубенском остроге колодника жителя Глинка Андрея Кухаря за убийство им якобы работника своего Федора. 1765 г.
- ЦГИАУК. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Допрос Романа Краснощека. 1779 г.

Библиография

- Арвес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 415 с.
- Берк П.* Популярна культура в ранньомодерній Європі. Київ: УЦКД, 2001. 376 с.
- Волошин Ю.* Конфлікти в Полтаві другої половини XVIII ст.: зміст, характер, мова // Соціум. (Київ). 2010. № 9. С. 287–325.
- Волошин Ю.* Кримінальна злочинність в Гетьманщині другої половини XVIII ст. (За матеріалами Полтавського гродського суду) // Повсякдення ранньомодерної України: Історичні студії: В 2 т. Київ, 2012. Т. 1: Практики, казуси та девіації повсякдення. С. 287–325.
- «Вся история наполнена детством»: Наследие Ф. Арвеса и новые подходы к истории детства / Сост. В.Г. Безрогов, М.В. Тендрякова. М.: РГГУ, 2012. 472 с.
- Глаголева О.* Оскорбленная добродетель: бесчестье и обида в эмоциональном мире русской провинциальной дворянки XVIII века // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций: Сб. ст. М.: НЛЮ, 2010. С. 329–352.
- Делюмо Ж.* Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII вв.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 749 с.
- Каменский А.Б.* Россия в XVIII веке. М.: АСТ, Астрель, 2006. 190 с.
- Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. 486 с.
- Кристева Ю.* Силы ужаса: Эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003. 246 с.
- Кузик Т.* Про захворюваність та смертність в Запорізькій Січі (два документи із фондів ЦДІАК України) // Наукові записки: Збірник

праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2002. Т. 9. С. 215–226.

- Кунцман А.* «Омерзительные существа»: сексуальная политика отращения в мемуарах узников ГУЛАГа // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций: Сб. ст. М.: НЛО, 2010. С. 380–398.
- Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII — начало XX века) / Сост. В.Г. Безрогов, О.Е. Кошелева, Г.В. Макаревич. М.: РГГУ, 2012. 398 с.
- Маслійчук В.* Дитина та голодні роки (стратегії дорослої та дитячої поведінки на Північному Лівобережжі у 80-х рр. XVIII ст.) // Сіверянський літопис. 2008а. № 5. С. 94–99.
- Маслійчук В.* Дітозгубництво на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. Харків: Харківський приватний музей міської садиби, 2008б. 128 с.
- Маслійчук В.* Про «батьківство» та «материнство» на Лівобережній Україні другої половині XVIII ст. // Народна творчість та етнографія. 2008в. № 5. С. 21–28.
- Маслійчук В.* Вік дорослішання: початок повної кримінальної відповідальності в Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. // Український історичний журнал. 2010. № 2. С. 38–42.
- Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнологічне дослідження: У 5 т. / Наук. ред. М. Гримич. Київ: Дуліби, 2008. Т. 1: Діти. Дитинство. Дитяча субкультура. 400 с.
- Пащук А.Й.* Суд і судочинство на Лівобереж. Україні в XVII–XVIII ст. Львів: Видавництво Львівського університету, 1967. 180 с.
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. 4-е изд. М.: Лабиринт, 2000. 333 с.
- Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций: Сб. ст. М.: НЛО, 2010. 511 с.
- Себиан У.* Голоса крестьян и тексты бюрократов: нарративная структура в немецких протоколах начала Нового времени // Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Алетейя; Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 58–89.
- Сердюк І.* Особливості відображення вікових категорій населення Лівобережної України в Румянцевському описі Малоросії // Вісник Черкаського університету. (Історичні науки). Черкаси, 2008. Вип. 133–134. С. 55–62.
- Сердюк І.* Рец. на: Володимир Маслійчук. Дітозгубництво на Лівобережній та Слобідській Україні у другій половині XVIII ст. Харків: Харківський приватний музей міської садиби. 2008. 128 с. // Ab Imperio. 2011. № 1. С. 362–369.
- Сердюк І.* Дитина й дитинство в Гетьманщині XVIII ст. // Повсякдення ранньомодерної України. Історичні студії: В 2 т. Київ: Інститут історії України, 2012. Т. 1: Практики, казуси та девіації повсякдення / Відп. ред. В. Горобець. С. 57–86.

- Степаненко В.И., Степаненко Р.Л.* Эпизоды исторической хроники научного изучения сифилиса. Современное состояние проблемы сифилиса и перспективные пути ее решения // Украинський журнал дерматології, венерології, косметології. 2005. № 3. С. 68–77.
- Шахадат Ш.* Психологизм, любовь, отвращение, разум: эмоции с точки зрения литературоведения // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций: Сб. ст. М.: НЛО, 2010. С. 37–47.
- Яковенко Н.* Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ: Критика, 2002. 416 с.
- Acta Poloniae Historica.* 1999. Vol. 79: Childhood and Youth in Historical Perspective. 289 p.
- Cunningham H.* Histories of Childhood // The American Historical Review. 1998. Vol. 103. Is. 4. P. 1195–1208.
- Douglas M.* Czystość i zmaza. Warszawa: PIW, 2007.
- Konkol W.* Brud i smród w świetle polskich średniowiecznych źródeł hagiograficznych — próba rozpoznania tematu // Studia historica gedanensia. 2010. T. 1: Brud i smród. S. 19–34.
- Reddy W.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 396 p.
- W kręgu rodyiny epok dawnych: Dzieciństwo. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2014. 640 s.

The Emotional Aspect of “Unclean” Child Murder (Episode in the Life of the 18th Century Hetmanate)

Igor Serdiuk

Poltava V. G. Korolenko National Pedagogical University
Ostrogradskogo st. 2, Poltava, Ukraina
ig.serdiuk@gmail.com

In this article, I try to identify the emotional component of one case of infanticide and consider how individual experience, collective emotions, and the emotional state of society in 18th century Hetmanate influenced the actions of the defendants of this case. I chose the case of Roman Krasnoschochenko the shepherd, from a number of documents in the archives of Ukraine. He was accused of homicide by the misadventure of his nephew, who was diseased by an “evil spirit”. This case illustrates how, in the society of that time, some protective mechanisms were engaged, and manifested themselves in the fear of infection and disgust for the “evil spirit.” They, in turn, encouraged the individual to “expulse” children who did not fit in their “normal,” and “clean” living space. The population of the Hetmanate in the 18th century was no stranger to “expulsing”,

because there had been quite a large range of targets of expulsing, including marginalised groups, people in “bad” trades, and patients with “unclean” diseases.

This detailed analysis of the Krasnoschochenka case once again prompts an appeal to the thesis that there was a lower value of life in early modern times. Ukrainian society has been deeply traditional, and it was not aware of Occupational Medicine. Moreover, in conditions of total child mortality, Ukrainian society was not inclined toward a sentimental perception of infant death. Especially since it rid the adults of many potential problems, including those associated with exposure to sick or crippled children. Killers of children were protected by, and even excused by, the court.

Keywords: disease, Hetmanate, emotion, disgust, child, fear, infanticide.

References

- Acta Poloniae Historica*, 1999, vol. 79: Childhood and Youth in Historical Perspective. 289 pp.
- Ariès Ph., *L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. Paris: Plon, 1960. 503 pp.
- Bezrogov V. G., Kosheleva O. Ye., Makarevich G. V. (comps.), *Maloletnie poddannye bolshoy imperii: Filipp Aryes i istoriya detstva v Rossii (XVIII — nachalo XX veka)* [Juvenile Subjects of Great Empires: Philippe Ariès and History of Childhood in Russia (the XVIII — the Early XX Century)]. Moscow: Russian State Humanitarian University Press, 2012. 398 pp. (In Russian).
- Bezrogov V. G., Tendryakova M. V. (comps.), “*Vsya istoriya napolnena detstvom*”: *Nasledie F. Aryesa i novye podkhody k istorii detstva* [“All of History is Full of Childhood”: Ph. Ariès’s Heritage and New Approaches to the History of Childhood]. Moscow: Russian State Humanitarian University Press, 2012. 472 pp. (In Russian).
- Burke P., *Popular Culture in Early Modern Europe*. Cambridge: Ashate, 2009. 472 pp.
- Cunningham H., ‘Histories of Childhood’, *The American Historical Review*, 1998, vol. 103, is. 4, pp. 1195–1208.
- Delumeau J., *Le Péché et la peur: La culpabilisation en Occident (XIIIe–XVIIIe siècles)*. Paris: Fayard, 1983. 752 pp.
- Douglas M., *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. London: Routledge, 2002. 244 pp.
- Glagoleva O., ‘Oskorblennaya dobrodetel: bescheste i obida v emotsionalnom mire russkoy provintsialnoy dvoryanki XVIII veka’ [Disgrace and Insult in the Emotional World of the Provincial Russian Noblewoman in the XVIII Century], *Rossiyskaya imperiya chuvstv: podkhody k kulturnoy istorii emotsiy* [Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow: NLO, 2010. Pp. 329–352. (In Russian).

- Grimich M. (ed.), *Narodna kultura ukraïntsv: zhitteviy tsikl lyudini: istoriko-etnologichne doslidzhennya* [Ukrainian Folk Culture: The Life Cycle of People: A Historical and Ethnological Study]. Kiev: Duliby, 2008, vol. 1: Children. Childhood. Children Subculture. 400 pp. (In Ukrainian).
- Kamenskiy A. B., *Rossiya v XVIII veke* [Russia in the 18th Century]. Moscow: Astrel, 2006. 190 pp. (In Russian).
- Konkol W., 'Brud i smród w świetle polskich średniowiecznych źródeł hagiograficznych — próba rozpoznania tematu', *Studia Historica Gedaniensis*, 2010, vol. 1: Brud i smród. Pp. 19–34.
- Kosheleva O. Ye., *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of St Petersburg Island during the Time of Peter the Great]. Moscow: OGI, 2004. 486 pp. (In Russian).
- Kristeva Yu., *Pouvoirs de l'horreur. Essai sur l'abjection*. Paris: Seuil, 1983. 247 pp.
- Kuntsman A., "Omerzitelnye sushchestva": seksualnaya politika otrashcheniya v memuarakh uznikov GULAGa' ["Ghoulis Creatures": Sexual Politics of Disgust in the Memoirs of the Gulag Prisoners], *Rossiyskaya imperiya chuvstv: podkhody k kulturnoy istorii emotsiy* [Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow: NLO, 2010. Pp. 380–398. (In Russian).
- Kuzik T., 'Pro zakhvoryuvanist ta smertnist v Zaporizkiy Sichi (dva dokumenti iz fondiv TsDIAK Ukraïni)' [On Morbidity and Mortality in Zaporizhzhya Sich (Two Documents from the TSDIAK Collections of Ukraine)], *Naukovi zapysky*, 2002, no. 9, pp. 215–226. (In Ukrainian).
- Masliychuk V., 'Ditina ta golodni roki (strategii dorosloï ta dityachoi povedinki na Pivnichnomu Livoberezhzhi u 80-kh rr. XVIII st.)' [Child During Lean Years (Adult and Children's Strategies of Behaviour in North Left-Bank Ukraine in the 18th Century)], *Siveryanskiy litopis*, 2008, no. 5, pp. 94–99. (In Ukrainian).
- Masliychuk V., *Ditozgubnistvo na Livoberezhniy ta Slobidskiy Ukraïni u drugiy polovini XVIII st.* [Infanticide in Left-Bank and Slobidska Ukraine during the Second Half of the 18th Century]. Kharkov: Kharkiv Private Museum of City Estate Press, 2008. 128 pp. (In Ukrainian).
- Masliychuk V., 'Pro "batkivstvo" ta "materinstvo" na Livoberezhniy Ukraïni drugoi polovini XVIII st.' [Motherhood and Fatherhood in Left-Bank Ukraine in the Second Half of the 18th Century], *Narodna tvorchist' ta etnografiya*, 2008, no. 5, pp. 21–28. (In Ukrainian).
- Masliychuk V., 'Vik doroslishannya: pochatok povnoï kriminalnoi vidpovidalnosti v Livoberezhniy ta Slobidskiy Ukraïni u drugiy polovini XVIII st.' [Age Maturation: Early Full Criminal Responsibility in Left-Bank and Sloboda Ukraine in the Second Half of the 18th Century], *Ukrainskiy istorichniy zhurnal*, 2010, no. 2, pp. 38–42. (In Ukrainian).
- Pashuk A., *Sud i sudochinstvo na Livoberezh. Ukraïni v XVII–XVIII st.* [Court and Proceedings in Left-Bank Ukraine in 17th–18th Centuries]. Lvov: Lvov University Press, 1967. 180 pp. (In Ukrainian).

- Propp V. Ya., *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow: Labirint, 2000. 333 p. (In Russian).
- Reddy W., *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 396 pp.
- Sebian U., 'Golosa krestyan i teksty byurokratov: narrativnaya struktura v nemetskikh protokolakh nachala Novogo vremeni' [Voices of Peasants and Bureaucrats' Texts: Narrative Structure in the German Protocols Early Modern Times], *Proshloe — krupnym planom: Sovremennye issledovaniya po mikroistorii* [Past — Close-Up: Modern Research on Micro-History]. St Petersburg: Aleteya, 2003. Pp. 58–89. (In Russian).
- Serdiuk I. O., 'Ditina y ditinstvo v Getmanshchini XVIII st.' [Child and Childhood in the 18th Century Hetmanate], *Povsyakdennyya rannomodernoï Ukraïni. Istorichni studii* [Everyday Life of Early Modern Ukraine. Historical Studies]. Kiev: Institute of Ukrainian History Press, 2012, vol. 1: Practices, Incidents, and Deviations in Everyday Life. Pp. 57–86. (In Ukrainian).
- Serdiuk I. O., 'Osoblivosti vidobrazhennyya vikovykh kategoriï naselennyya Livoberezhnoï Ukraïni v Rumyantsevskomu opisi Malorosii' [The Features of Describing Age Categories of the Population in Left-Bank Ukraine in the Rumyantsev Description], *Cherkasy University Bulletin*, 2008, no. 133–134, pp. 55–62. (In Ukrainian).
- Serdiuk I. O., 'Rets. na: Volodimir Maslychuk. Ditozghubnistvo na Livoberezhniy ta Slobidskiy Ukraïni u drugiy polovini XVIII st.' [Review of Volodimir Maslychuk. Infanticide in Left-Bank and Slobodska Ukraine During the Second Half of the 18th Century], *Ab Imperio*, 2011, no. 1, pp. 362–369. (In Russian).
- Shakhadat Sh., 'Psikhologizm, lyubov, otvrashchenie, razum: emotsii s tochki zreniya literaturovedeniya' [Psychology, Love, Disgust, Reason: Emotions in Terms of Literary Criticism], *Rossiyskaya imperiya chuvstv: podkhody k kulturnoy istorii emotsiy* [Russian Empire of Feelings: Approaches to the Cultural History of Emotions]. Moscow: NLO, 2010. Pp. 37–47. (In Russian).
- Stepanenko V. I., Stepanenko R. L., 'Epizody istoricheskoy khroniki nauchnogo izucheniya sifilisa. Sovremennoe sostoyanie problemy sifilisa i perspektivnye puti ee resheniya' [Episodes of the Historical Chronicle of Scientific Research on Syphilis. Current State of the Problem and Potential Solutions], *Ukrainskiy zhurnal dermatologii, venerologii, kosmetologii*, 2005, no. 3, pp. 68–77. (In Ukrainian).
- Voloshyn Yu., 'Konflikti v Poltavi drugoi polovini XVIII st.: zmist, kharakter, mova' [The Conflicts in Poltava During the 2nd Half of the 18th Century: Matter, Character, Language], *Socium*, 2010, no. 9, pp. 287–325. (In Ukrainian).
- Voloshyn Yu., 'Kriminalna zlochinnist v Getmanshchini drugoi polovini XVIII st. (Za materialami Poltavskogo grodskogo sudu)' [Criminal Offences in the Hetmanate in the Second Half of the 18th Century (Based on the Materials of Poltava City Court)], *Povsyakdennyya rannomodernoï Ukraïni: Istorichni studii* [Everyday Life in Early Modern Ukraine: Historical Studies]. Kiev: Institute of Ukrainian

History Press, 2012, vol. 1: Practices, Incidents, and Deviations in Everyday Life. Pp. 287–325. (In Ukrainian).

W kręgu rodyiny epok dawnych: Dzieciństwo. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2014. 640 pp.

Yakovenko N. M., *Paralelniy svit: Doslidzhennya z istorii uyavlen ta idey v Ukraïni XVI–XVII st.* [Parallel World: Studies in the History of Ideas of Ukraine During the 16–17th Centuries]. Kiev: Kritika, 2002. 416 pp. (In Ukrainian).